

ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ:

события, оценки, прогнозы

Выпуск 39(55)
2015

СОДЕРЖАНИЕ

**АТАКА НА ПАРИЖ И БУДУЩЕЕ
ОТНОШЕНИЙ РОССИЯ – ЗАПАД**

Татьяна Пархалина

**СИРИЙСКАЯ ТРАГЕДИЯ:
В КАКИЕ ИГРЫ ИГРАЮТ ТИГРЫ?**

Анатолий Хазанов

**БЕЛАРУСЬ И УКРАИНСКИЙ КРИЗИС
(2013–2015 гг.)**

Лариса Шаншиева

**ТРАНСФОРМАЦИЯ
СЕВЕРОАТЛАНТИЧЕСКОГО СОЮЗА
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО
ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
КРИЗИСА**

Дарья Миронова

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (ИНИОН РАН)

АТАКА НА ПАРИЖ И БУДУЩЕЕ ОТНОШЕНИЙ РОССИЯ – ЗАПАД

Татьяна Пархалина,

заместитель директора ИНИОН РАН,

президент Ассоциации Евро-Атлантического сотрудничества

Террористическая атака на столицу Франции вечером 13 ноября 2015 г. может ознаменовать начало нового этапа в отношениях между Россией и Евро-Атлантикой, обострившихся почти до состояния холодной войны в связи с кризисом в и вокруг Украины. Однако может не означает должно.

К 2013 г. фактор «неинтегрированности» России в евро-атлантическую систему стал играть настолько серьезную роль, что уже в 2014–2015 гг. многие эксперты и политики заговорили о сломе системы европейской безопасности, которая сложилась в основном вокруг двух институтов – НАТО и ЕС и в которую Россия была интегрирована лишь опосредованно, что вызывало большие озабоченности со стороны ее политического класса и общества. Эти озабоченности конвертировались порою в непредсказуемые, с точки зрения Запада, действия и дважды даже привели к выходу из территориального статус-кво, обусловленного распадом Советского Союза (Грузия – 2008 г., Украина – 2014 г.).

2014–2015 гг. характеризовались тем, что европейские институты были не в состоянии адекватно отвечать на обозначившиеся вызовы, а Россия и Запад начали играть по худшим правилам биполярной конфронтации, поддерживая те силы в третьей стране, которые декларировали приверженность либо Западу, либо России, результатом чего явилась гражданская война в Украине. При этом обе стороны не готовы признать собственную ответственность за развитие кризиса – Запад стремится обнулить все, что было до крымского референдума, а Россия уже ни при каких условиях не отдаст Крым. И руководство России, и западные лидеры избегали определения кризиса как новой холодной войны, но при этом логика их действий неизбежно приводила обе стороны к противостоянию, сравнимому с периодом 70–80-х годов.

Кризис вокруг Украины далек до завершения, но после начала российской операции в Сирии и чудовищных терактов в Париже изменились приоритеты на шкале международной повестки дня: на первое место вышла борьба с терроризмом. Развитие ситуации до 13 ноября позволяет сделать следующие выводы:

– информационная война, ведущаяся тремя сторонами – Украиной, Россией, Западом приводит к переформатированию массового сознания в такой степени, что международное сообщество уже сейчас должно задуматься о подготовке своеобразного «кодекса поведения» в освещении конфликтных ситуаций;

– Россия не может быть исключена из дискуссии о судьбах постсоветского пространства; Россия, Европа и США должны сотрудничать, а не соперничать в этом регионе;

– очевидно, что та евро-атлантическая система безопасности, которая явилась результатом окончания первой версии холодной войны и в которую Россия так и не была полностью интегрирована, не сможет более существовать на прежних основах – ни институционально, ни по существу, поскольку в настоящее время наблюдается тенденция движения к конфронтационной модели (и со стороны Запада, и со стороны России), к парадигме взаимного сдерживания, а это прямой вызов как для самих главных игроков (России и Евро-Атлантики), так и для их партнеров, которые не готовы одобрить ни российскую, ни западную позиции;

– кризис показал, что те международные институты, которые были созданы в том числе и для того чтобы обеспечить безопасность, а также поддерживать каналы для диалога, не действуют: к ним следует отнести, прежде всего, Совет Россия–НАТО, который создавался как всепогодный форум, а также ОБСЕ, оставшуюся единственным институтом, который пытается что-то сделать, но не работает в полном объеме;

– позиция России в вопросе сирийского урегулирования является продолжением политики в Украине в том смысле, что Россия предпринимает попытку выйти из «украинской ловушки» через «сирийскую дверь». Военно-воздушная операция России в Сирии дает Кремлю возможность без потери лица продемонстрировать свою силу, на самом деле постепенно высвобождаясь из украинского капкана.

Обращает на себя внимание тот факт, что начало сирийской операции совпало с серьезными договоренностями в рамках Минска-2, с согласием ополченцев ЛНР и ДНР на перенос выборов на февраль 2016 г., с достаточно длительным прекращением огня на юго-востоке Украины.

Развитие событий на Ближнем Востоке вовсе не означает, что наличие общего врага (ИГ) и борьба с ним неизбежно приведут к примирению России и Запада, цели которых все-таки различны. Для России геополитические интересы связаны с возвратом в регион в качестве ключевого игрока, что дает дополнительные возможности участия в послевоенном урегулировании; политические – с поддержкой режима Б. Асада и дела сирийской государственности, экономические – с недопущением срыва планов РФ по созданию южного экспортного маршрута уже в обход украинского транзита. Для Запада, прежде всего США, в экономическом смысле имеет значение то, что силы сирийской оппозиции и боевики ИГ захватили почти все месторождения углеводородов в Сирии, от которых проложены трубопроводы к заводам на западе страны, где контроль осуществляет правительство САР. Демпинговая нефть, поступая на мировые рынки, обрушивает цену на нефть и газ, от чего прежде всего страдает экономика России, сидящая на нефтяной игле.

Нельзя исключить, что чудовищные террористические атаки ИГ на Париж могут привести к трансформации международной повестки дня в сторону объединения усилий по борьбе с Исламским государством. Однако нельзя не обратить внимание на то, что сразу после трагедии, даже несмотря на изменение повестки дня заседания Большой двадцатки в Анталии, ряд экспертов высказали мнение, что объединение усилий России и США невозможно. Вместе с тем, следует отметить тот факт, что президент США Б. Обама на различных международных площадках начал говорить о позитивной роли России на Венских переговорах по Сирии, да и в целом изменил риторику. В Европе все чаще слышны призывы о

снятии санкций с РФ и о необходимости совместных действий против ИГ. Многие будут зависеть от того, как сложится союз между Россией и Францией, президент которой намеренно не хочет опираться на поддержку НАТО, понимая, что это будет в штыки встречено Москвой, но пытается активировать ст. 42.7 Лиссабонского договора ЕС, предусматривающего помощь и содействие государству – жертве агрессии или нападения, но не военные действия.

В данном контексте нельзя не упомянуть, что в «челночную» дипломатию г-на Олланда по созданию Международной коалиции вмешалась трагическая история со сбитым российским бомбардировщиком в небе над Сирией. После гибели СУ-24, сбитого турецким истребителем F-16, Россия усилила военную активность. В результате, по данным МО РФ, за два месяца было уничтожено 11 нефтеперерабатывающих комплексов, 23 комплекса перекачки нефти, 1080 автоцистерн с нефтью¹, а доходы так называемого ИГ от незаконно добываемой нефти сократились на 50%². На российской базе под Латакией появился зенитно-ракетный комплекс С-400.

Совет НАТО, созданный по просьбе турецкой стороны сразу после трагического инцидента с российским бомбардировщиком, не только не активировал ст. 5 Вашингтонского договора, предполагающую коллективные действия по защите одного из своих членов в случае нападения на него, но даже и ст. 4, предполагающую чрезвычайные консультации. НАТО, по сути, отстранилась от ситуации, предложив решать турецко-российские разногласия на уровне двусторонних отношений, а ряд государств – членов Альянса даже требовали осуждения Турции.

В противостоянии с Турцией российская сторона пытается добиться признания со стороны мирового сообщества того, что Россия является жертвой и максимально расширить свои позиции на Ближнем Востоке.

У России и международной коалиции под руководством США (куда входят 65 стран) есть одна точка совпадения интересов. Все считают, что для эффективной борьбы с ИГ следует применить наземные войска, но никто не хочет, чтобы это были собственные войсковые подразделения, памятуя о плачевном опыте Ирака и Афганистана. Поэтому в случае, если лояльные Дамаску войска будут

¹ Независимая газета, 2 дек. 2015 г. – С. 2.

² Там же.

интегрированы в международную коалицию, координация с ними может осуществляться через Москву и тогда роль России возрастет.

Трудно предположить, что несмотря на частично разделяемые интересы по борьбе с международным терроризмом Россия и Запад в ближайшие годы смогут выйти даже на тот уровень взаимоотношений, которые они имели до 2014 г. Слишком различны их интересы, слишком высоко недоверие, а в ряде случаев даже непринятие друг друга, слишком велик ценностный разрыв, обуславливающий внутривнутриполитическое развитие России и стран Евро-Атлантики.

Да и не закончившийся украинский кризис, внимание с которого было действительно переключено и который уже вызвал феномен усталости как на Западе, так и в России, не позволяет окончательно забыть о тех противоречиях, которые проявились в 2014–2015 гг.

В определенной степени Украина находится под контролем Запада, при этом последний явно недоволен тем, как Киев ведет себя в рамках Минских соглашений и в финансово-экономических вопросах. Европейские столицы явно раздражены степенью коррумпированности и низким профессиональным уровнем украинских

элит, а также неэффективностью реформ. Раздражение вызывает также то, что и Украина, и Россия обвиняют друг друга в нарушении мирных соглашений, однако тот факт, что Россия согласилась реструктуризировать украинский долг и что под ее давлением ЛНР и ДНР пошли на перенос выборов, явно выбивает козыри из рук киевских политиков.

Известно, что особенную неудовлетворенность политикой Киева высказывают в Париже. Одновременно дипломатия президента Ф. Олланда по формированию антитеррористической коалиции с участием России позволяет делать предположения о возникновении новой «Антанты». Плюс к этому необходимо помнить, что сдерживание, в парадигме которого обе стороны – Россия и Запад – уже существуют, не может продолжаться бесконечно долго и неизбежно будет дополнено разрядкой, поскольку цивилизованный мир столкнулся со сверхопасной новой угрозой, ответить на которую можно лишь объединив усилия. Но готовность к разрядке это – результат компромисса, когда стороны не просто осознают необходимость изменений, но и готовы на практические действия с учетом интересов друг друга.

СИРИЙСКАЯ ТРАГЕДИЯ: В КАКИЕ ИГРЫ ИГРАЮТ ТИГРЫ?

*Анатолий Хазанов,
академик РАН, доктор исторических наук*

Боевики ИГИЛ добрались и до России. Они пригрозили «освободить» Чечню от российских властей. Глава Чеченской республики Рамзан Кадыров обещал, в свою очередь, освободить Россию от ИГИЛ¹.

Будем надеяться, что на этом обмен любезностями закончится и в «горячую стадию» данная ситуация не перейдет.

Президент Сирии Башар Асад следующим образом охарактеризовал эту экстремистскую организацию: «ИГИЛ как скорпион – если его положить в карман, он рано или поздно тебя ужалит».

США своей непродуманной политикой разворошили Ближний Восток. В интервью американскому каналу «Vice News» 17 марта 2015 г. Барак Обама назвал появление ИГИЛ результатом действий США на Ближнем Востоке.

¹ Московский Комсомолец, 13.01.2015 г.

Он подчеркнул, что усиление влияния этой радикальной группировки является «непреднамеренным последствием вторжения американских войск в Ирак в 2003 г., когда президентом был Джордж Буш-младший»¹.

Действительно, когда Буш-младший планировал в 2003 г. операцию «Шок и трепет» в Ираке, начальник Объединенного Комитета начальников штабов США сказал: «Когда мы разгромим Садда Хусейна, потребуется в полтора раза увеличить американскую группировку войск». Дж. Буш тут же заявил, что он ничего не понимает и уволил его. А на самом деле уволенные офицеры армии С. Хусейна бежали в Сирию и другие страны, а позже составили костяк ИГИЛ. В Ираке начался хаос и массовые теракты против американцев и шиитских властей страны.

В сирийский конфликт вовлечены региональные и внерегиональные игроки. По существу, весь регион Ближнего и Среднего Востока разделен сейчас на два лагеря: на стороне Б. Асада выступают шиитские страны (в них у власти стоят шииты) – Иран, Ирак, а также «Хезболла». Против Асада выступают суннитские страны – Саудовская Аравия, Катар, ОАЭ, Турция. Нынешний конфликт на Ближнем и Среднем Востоке принял форму суннитско-шиитского противостояния.

На Ближнем Востоке сейчас сложилась такая парадоксальная ситуация, что Россия оказалась в шиитской компании, а США – в суннитской. Пикантность этой ситуации усугубляет то обстоятельство, что 20 млн проживающих в России мусульман – сунниты.

Чтобы понять, почему мы не можем договориться с США по Сирии, необходимо ответить на вопрос: чем обусловлены позиции по сирийскому кризису внерегиональных игроков и, прежде всего, России и США?

Как мне представляется, *цели России*, которая 30 сентября 2015 г. начала военное вмешательство в конфликт на стороне режима Асада, очевидны:

- перестать быть аутсайдером на мировой арене и вновь стать одним из ведущих игроков;
- отвлечь внимание общественного мнения в России и за ее пределами от событий на Украине;
- не допустить усиления ИГИЛ и других террористических организаций, которые представ-

ляют собой потенциальную угрозу для безопасности РФ и стран СНГ;

- обеспечить российское военное присутствие в сирийском порту Тартус – единственной военно-морской базе РФ, оставшейся за пределами бывшего Советского Союза. (С 1971 г. в порту Тартус была маленькая советская база для заправки горючим, которую обслуживало всего 50 человек и называли ее «сирийской бензоколонкой». Сейчас это огромная база (несколько тысяч человек). Только за неделю в Латакию прибыло 28 бортов тяжелой авиации и несколько танков);

- поддержать нашего старого союзника – Б. Асада и его режим;

- сохранить Сирию как традиционный рынок сбыта российского вооружения.

Как известно, на рынке вооружений мы сталкиваемся с сильной конкуренцией со стороны США, которым принадлежит 31% мирового рынка продаж, а России только 20%. Третье место занимает Китай.

Цели США в сирийском кризисе, по моему мнению, следующие:

- устранить режим Б. Асада – главного союзника Ирана для того, чтобы затем перейти к уничтожению ненавистного Вашингтону иранского режима;

- создать перебои на мировом рынке энергоносителей для того, чтобы впоследствии повысить цены на нефть и газ и «задушить» высокими ценами своего главного конкурента на мировом рынке – Китай;

- создать хаос на Ближнем и Среднем Востоке в соответствии с концепцией «управляемого хаоса» для того, чтобы обеспечить доминирование США в этом важнейшем геополитическом регионе;

- обеспечить заказами ВПК для того, чтобы удовлетворить запросы влиятельных оружейных магнатов;

- накануне выборов Бараку Обаме и демократической партии как воздух необходимы какие-либо впечатляющие успехи на внешнеполитическом фронте.

Причина того, что американская сторона не сразу согласилась предоставить информацию, касающуюся целей нанесения ударов в Сирии очевидна: для нас враги одни, для них – другие. В последнее время ВВС США и возглавляемая ими коалиция наносят удары по позициям армии Башара Асада в Дейр эз-Зор и в других местах.

¹ Интервью Б. Обамы телеканалу «Vice News» 17.03.2015 г. (полная версия интервью – <https://news.vice.com/video/president-obama-speaks-with-vice-news>)

Россия не считает Свободную Сирийскую Армию (ССА) террористической организацией. Согласно некоторым авторитетным источникам, мы ведем с ней переговоры о совместных действиях против ИГИЛ. Асад заявил, что он не против этого. Однако в ССА нет такой харизматичной фигуры, которая могла бы его заменить. Там нет централизованного руководства, ССА – это аморфная организация без четко выстроенной структуры.

Позиция Турции во многом связана с курдской проблемой. Эта самая большая головная боль для турецкой элиты. В Турции популярна поговорка: «Там, где сверкает турецкая сабля, перестает существовать курдский вопрос». Эрдоган считает своими главными врагами курдов, а ИГИЛ как раз борется с курдами. Получается, что ИГИЛ – союзник Анкары и к тому же снабжает ее дешевой нефтью. В российско-турецком конфликте Европа поддерживает Эрдогана. Отношение к нему Европы выражается формулой: «Эрдоган, конечно, – сукин сын, но это наш сукин сын». Отношение Европы к России двойственно: «Россия – враг нашего общего врага – ИГИЛ, но она друг нашего заклятого врага – Асада».

У Эрдогана несколько задач в Сирии:

- свержение Башара Асада;
- разгром курдов, в первую очередь – на востоке;
- приведение к власти в Дамаске режима, ориентированного на Эрдогана. Например, «братев-мусульман». Либо создание на севере буферной зоны вплоть до Алеппо, которую контролировала бы Турция.

Позиция Ирака в сирийском конфликте обусловлена тем, что у власти в Багдаде стоят шииты. Хотя официально Багдад провозгласил нейтралитет в этом конфликте, на деле он оказывает существенную помощь Б. Асаду, которого поддерживает как шиитского лидера (он – алавит). Несмотря на критику из Вашингтона, Ирак не закрывает свое воздушное пространство для самолетов Ирана, поставляющего оружие и боеприпасы для сирийских войск. Кроме того, из Ирака на помощь Асаду отправляются бойцы шиитской милиции. Это, прежде всего, боевики «Армии Махди», Муктады ас-Садра и бригады Бадр, которых перебрасывают в Сирию при помощи КСИР и которые участвуют в боевых действиях.

Кроме того, Багдад оказывает Дамаску дипломатическую поддержку, в частности по линии ЛАГ, и предоставляет ему финансовую помощь. Так, во время визита премьер-министра Ирака Ну-

ри аль-Малики в Тегеран 22–23 апреля 2015 г. он ответил согласием на просьбу верховного лидера Ирана Али Хаменеи оказать дружественному сирийскому режиму финансовую помощь. Выделенные им 12 млн долл. пошли на выплату зарплаты армии Асада. За этим «подарком» Нури аль-Малики Асаду последовали и другие. К середине мая 2015 г. он обеспечил значительную часть финансовых потребностей силовых структур САР.

Хотя на Багдад оказывается сильное давление Вашингтоном с целью ослабить помощь Асаду, правительство Нури аль-Малики продолжает гнуть свою линию. Оно получило большую свободу рук после вывода американских войск с территории Ирака. Позиция Багдада в сирийском вопросе во многом обусловлена его опасениями прихода к власти в Дамаске радикальных суннитских группировок.

Иран решительно выступает на стороне Асада. Тегеран рассматривает режим Асада в Сирии и Хезболлу как своих главных союзников на Ближнем Востоке. Оказывая помощь режиму Асада, он исходит из того, что если падет Сирия, то следующим на очереди будет Иран, кого Вашингтон рассматривает как своего главного врага, примирение с которым невозможно. Цель Ирана – усилить шиитскую общину в Сирии. Тегеран стремится создать и возглавить коалицию шиитов Ирака, Кувейта, ОАЭ, Саудовской Аравии, Йемена, Бахрейна, Ливана и Сирии.

После распада СССР произошло ослабление позиций России в Центральной Азии, где у власти (кроме Казахстана) находились «слабые» правительства. После уничтожения сильного Ирака и воцарения хаоса в Афганистане для Ирана открылись весьма благоприятные возможности, которыми Тегеран не преминул воспользоваться для усиления своих позиций в регионе. Это «окно возможностей» позволило Ирану быстро сколотить сильную коалицию шиитских союзников, которая тянулась с юга Ирака через Сирию в южные районы Ливана, контролируемые «Хезбаллой» и далее в Сектор Газа (Палестина), где у власти находится союзная Ирану палестинская организация «Хамас». Создание оси проиранских сил (так называемого шиитского полумесяца) вызвало беспрецедентное обострение суннитско-шиитского противоборства в регионе¹.

¹ Ахмедов В. Роль исламского фактора в общественно-политическом развитии арабских стран Ближнего Востока и его эволюция в условиях суннитского восстания. М., 2015.

На стороне режима Асада вместе с сирийской армией воюют иракские шииты – боевики «армии Махди» и Бригады Бадр, а также боевики ливанской шиитской организации «Хезболла».

У «Хезболлы» («Партии Аллаха») очень надежные тылы. Ее поддерживают все 3 млн ливанских шиитов. «Хезболла» занимает одно из первых мест в списке 28 террористических организаций, который США опубликовали в начале 2001 г. «Хезболла» возникла в 1970-е годы и существует только благодаря щедрой финансовой, материальной и моральной поддержке Ирана и Сирии¹.

Факт военного присутствия России и ее участия в войне в Сирии стал неприятным сюрпризом для США. Как пишет американский журнал «Politico», «эскалация со стороны Путина привела к тому, что два главных для Обамы источника головной боли во внешней политике – Россия, вновь начавшая вести себя агрессивно, и гражданская война в Сирии – совместились в одну пульсирующую мигрень»².

Меган Маккейн, восходящая звезда республиканской партии, дочь сенатора Джона Маккейна, заявила: «Прямо сейчас Путин – доминирующая фигура на мировой сцене. Российский президент действует, это и есть признак лидера международного сообщества. А США и Обама только реагируют в ответ»³.

А теперь о странах, выступающих против режима Б. Асада.

Позиция Катара по сирийскому кризису связана с мечтой катарского эмира ликвидировать режим Асада, который мешает ему проложить газопровод в Турцию из Катара через Саудовскую Аравию, Иорданию, САР и далее к конечному пункту – европейскому потребителю. Таким образом, Доха смогла бы осуществить свою главную стратегическую цель – устранить Россию с рынков Юго-Восточной и Восточной Европы, а также Турции. Вот почему Катар прилагает огромные усилия для уничтожения режима Б. Асада, предоставляя большую финансовую и военную помощь антиасадовской оппозиции.

Саудовская Аравия является ярким врагом режима Асада, которого она рассматривает, прежде всего, как союзника своего извечного врага – Ирана. Эр-Рияд опасается, что в случае победы Башара Асада Иран станет лидером в регионе. Однако, в то

же время, серьезное беспокойство в Эр-Рияде вызывает активность ИГИЛ, которое там рассматривают как реальную угрозу. ИГИЛ ставит целью выход на территорию Саудовской Аравии, захват Мекки и уничтожение Каабы с ее черным камнем. В связи с этим король Абдалла даже выдвинул на границу Саудовской Аравии и Ирака 30 тыс. военнослужащих, чтобы быть готовыми к любому развитию событий. Как писал известный востоковед Г.И. Мирский, «со времен Бен Ладена “Аль-Каида” и те террористические образования, которые она породила, стремятся уничтожить “нечестивую и предательскую” саудовскую династию. Так, непрестанную головную боль доставляет Эр-Рияду “Аль-Каида” на Аравийском полуострове, действующая в соседнем Йемене. Ось между этой группировкой и “Исламским государством” стала бы посмертным триумфом Бен Ладена, а для Саудовской Аравии обернулась бы кошмаром»⁴.

Как сообщила «Нью-Йорк Таймс» в начале февраля 2015 г., Саудовская Аравия выразила готовность сократить добычу нефти, если Россия прекратит поддерживать режим Б. Асада. Тогда цена на нефть сразу взлетит. Переговоры об этом длительное время шли между представителями Москвы и Эр-Рияда, но оказались безрезультатными⁵. К концу 2015 г. мировая цена на нефть обрушилась ниже 40 долл. за баррель.

После провала упомянутых переговоров 50 высших религиозных лиц Саудовской Аравии объявили «джихад» России.

В августе 2014 г. Саудовская Аравия выделила 100 млн долл. на нужды Контртеррористического Центра ООН (КТЦ ООН). Эр-Рияд вновь дал понять, что считает ИГИЛ угрозой для своей безопасности и роли в регионе. «Целью этого взноса является помощь в создании инструментов, технологий и методов сопротивления угрозе терроризма и ее ликвидации», – заявил посол Саудовской Аравии в США Адель аль-Джубейр, передавая чек на круглую сумму генсеку ООН Пан Ги Муну⁶.

Что касается перспектив, то уже сейчас можно прогнозировать, что в Ираке, Турции и Сирии будет возрастать значение «курдского фактора».

В Ираке новый элемент гражданской войны – столкновение шиитов, опирающихся на Тегеран и Багдад, с курдами из-за спорных территорий. Война

¹ Miller Y. God has 99 names. New York 1997, p. 305.

² «Мир Новостей», 20.10.2015, с. 4.

³ Там же.

⁴ «Независимая газета» от 22.07.2014 и 15.08.2014.

⁵ «The New York Times», 03.02.2015.

⁶ «Независимая газета» от 15.08.2015.

на Ближнем Востоке отнюдь не в стадии завершения. Она будет идти десятилетиями и закончится созданием новых государств и изменением границ существующих. Мы убеждаем Асада дать курдам автономию, а Тегеран убеждает его в обратном.

Пока неизвестно, кто в войне в Сирии станет Сципионом Африканским, а кто Ганнибалом. Но уже не подлежит сомнению, что хотя ИГИЛ еще не пережила своего Ватерлоо, пружина, которая приводила в движение армию исламистов ИГИЛ, уже лопнула.

БЕЛАРУСЬ И УКРАИНСКИЙ КРИЗИС (2013–2015 гг.)

*Лариса Шаншиева,
старший научный сотрудник ИНИОН РАН*

Отношение Беларуси к украинскому кризису необходимо рассматривать, прежде всего, с учетом геополитических особенностей этого государства. Расположенная на рубеже европейского интеграционного пространства и объединенных вокруг России стран – членов СНГ и ЕАЭС Республика Беларусь (РБ) стремится поддерживать хорошие отношения и с Западом, и с Востоком. При этом, как известно, РБ прочно закреплена в орбите российского геополитического пространства, поскольку уже более 15 лет связана с Россией договорными союзническими отношениями.

После распада СССР и расширения Евросоюза за счет бывших социалистических стран Беларусь стала самостоятельным восточноевропейским государством, играющим активную роль в международных отношениях. В этих условиях РБ пытается отстаивать свои позиции в качестве суверенной страны с новой, развивающейся государственностью. Находясь на стыке международных противоречий, белорусское государство вынуждено постоянно балансировать в проведении своей внешней политики. При этом определяющим фактором в принятии тех или иных решений, заключении соглашений и установлении связей служит, как правило, соблюдение собственных государственных интересов.

Эти особенные черты белорусского государства ярко проявились в период политического и социально-экономического кризиса, начавшегося в соседней Украине осенью 2013 г. Белорусский

президент А. Лукашенко продемонстрировал в очередной раз свою *многовекторную* внешнюю политику, балансируя между разными сторонами конфликта. Он был в числе тех, кто первым отказал В. Януковичу в легитимности, признал новые власти Украины де-юре и заявил о недопустимости ее федерализации; принял личное участие в инаугурации П. Порошенко и высказался против признания вхождения Крыма в Россию. Поддержка официальным Минском новой киевской власти была, в известной степени, неожиданной для России. Такое поведение белорусского лидера было воспринято российской политической элитой как предательство интересов Союзного государства РФ и РБ.

Однако по мере развития украинского кризиса позиция белорусского президента претерпевала определенные изменения. Возможно, проецируя государственный переворот в Киеве на белорусскую почву, А. Лукашенко стал проявлять с какого-то момента опасения в связи с возможным развитием ситуации в Минске по украинскому сценарию. В феврале 2014 г. он уже называл В. Януковича законным президентом, а события в Киеве трактовал как «массовые беспорядки», проводя параллель с протестными акциями на минской Площади независимости 19 декабря 2010 г. (после президентских выборов). Выступая 23 февраля на совещании с представителями силовых ведомств РБ, Лукашенко заявил: «Для нас “майдан” не то, что неприем-

лем – «майдана» в Белоруссии не будет. Это наша с вами, людей в погонах, священная обязанность и задача – сохранить мир и стабильность на нашей земле».

В условиях последующего обострения противоречий внутри Украины и возрастания угрозы региональной безопасности официальные власти Беларуси попытались использовать свое особое геополитическое положение и выступили с идеей посреднической роли между конфликтующими сторонами. Возможная посредническая миссия Беларуси привлекла внимание европейских политиков к этой стране и к ее лидеру, который заявил, что он готов к урегулированию споров между Россией и Украиной. Таким образом, была реализована идея создания в Минске переговорной площадки, принятая всеми сторонами конфликта, после чего началась активная работа в рамках четырехсторонней контактной группы «Россия – ОБСЕ – Украина – ЛНР и ДНР».

Первым реальным успехом этих переговоров стало подписание 5 сентября 2014 г. Минского протокола из 12 пунктов о прекращении огня между противоборствующими силами на востоке Украины. В официальном заявлении по этому поводу президент РБ отметил: «Конфликт в близком для нас славянском государстве был в последнее время самым волнующим и обсуждаемым в международной повестке дня. Ибо под угрозу были поставлены вопросы обеспечения не только региональной, но и международной безопасности: ...Мы горды тем, что начало этому мирному процессу было положено в Минске, на белорусской земле. Мы и впредь будем делать все возможное во имя мира в братской стране. Наши народы вдоволь пострадали в войнах прошлого века, и не хотелось бы, чтобы подобные страдания повторились и в веке нынешнем».

Несколько позже А. Лукашенко поставил вопрос и о возможном сотрудничестве в формате Евросоюз – Белоруссия – Евразийский союз. По его словам, такое «трехстороннее сотрудничество» уже начато. Таким образом, Беларусь определила свое место не только в украинском кризисе, но и в диалоге между двумя организациями, в одной из которых она состоит де-юре. Президент РБ убежден, что в настоящее время Белоруссия – это единственный мост в налаживании отношений между Европой и Евразией. При этом он не раз заявлял, что в такой международной ситуации, когда Белоруссия не сможет занимать взвешенную позицию, она «встанет спиной к спине»

вместе с Россией. Просто потому, что союзники должны держаться друг друга. Безусловно, нужно помнить о том, что официальные Минск и Москва тесно связаны рамками военной интеграции: существует единая региональная система ПВО, в которую входят и белорусские, и российские подразделения, есть единое командование. Создана объединенная группировка сухопутных войск Беларуси и России. Хотя российские войска на территории Белоруссии не имеют статуса иностранных, «белорусский балкон» стратегически выгоден России в военном отношении.

Вполне понятно, что после украинского «майдана» в политических кругах разных стран стали высказываться предположения о возможном «белорусском майдане». Но надо отдать должное белорусскому президенту: в отличие от В. Януковича он контролирует страну и не чурается жестких решений. К тому же, как считают эксперты, в Белоруссии нет движущей силы «майдана» – критического количества антироссийски настроенных местных националистов. Да и протестные движения, даже накануне президентских выборов осенью 2015 г., не приобрели того масштаба, который бы привел к кризису власти. Конечно, есть часть недовольных, однако для реального национализма нужно найти антироссийских героев. Сделать это белорусам непросто. Обращение к давней истории Великого княжества Литовского не даст результата. Видимо, не подходит, по примеру Украины, и путь поиска героев среди коллаборационистов периода последней войны, в которой погиб каждый третий житель советской Белоруссии. И любой политик, который начнет искать и героизировать пособников фашистов, будет встречен неодобрительно.

Практически во всех своих публичных выступлениях в 2014 и 2015 гг. А. Лукашенко стремился продемонстрировать активную роль белорусской стороны в разрешении украинского кризиса. В интервью медиахолдингу Блумберг (31 марта 2015 г.) он сформулировал несколько значимых тезисов. В частности, выразил озабоченность тем, что к процессу минских договоренностей не были подключены США. По его мнению, без американцев на Украине невозможна никакая стабильность. «Соединенные Штаты Америки играют решающую роль в этом процессе и с точки зрения внутривосточных процессов в самой Украине».

Не обошел он вниманием и вовлеченность России в этот конфликт. «Где-то по своей воле,

где-то не по своей воле. Это информационное противостояние, это экономическое, финансовое, да и военное столкновение – понятно, что роль России здесь неопределима». По мнению А. Лукашенко, от желания Вашингтона и Москвы зависит установление мира на Востоке Украины, и если такая воля будет проявлена, вопрос будет решен однозначно.

Белорусский президент уверен, что еще есть шанс увидеть Украину в довоенных границах, но для этого надо выполнить Минские соглашения-2. По его мнению, лидеры новопровозглашенных республик видят свое будущее в составе Украины, равно как и население этих территорий. Поэтому в случае закрепления в Конституции Украины принципа децентрализации, признания нового статуса вышеназванных народных республик удастся прекратить войну.

Безусловно, украинский кризис оказал серьезное влияние не только на внешнеполитические решения официального Минска, но и на белорусское общество в целом. Десятки граждан отправились воевать добровольцами в зону конфликта. Причем одни белорусы оказались на стороне народного ополчения ДНР и ЛНР, другие – в составе карательных батальонов. Определенную роль сыграли и средства массовой информации, которые по ходу развития событий меняли свое отношение к конфликту на востоке Украины и давали разную трактовку происходящего.

Об отношении населения к украинскому кризису свидетельствуют данные социологических исследований, проводившихся разными службами на территории Беларуси на протяжении 2014–2015 гг. В целом результаты исследований показали, что отношение белорусов к конфликту в Украине и роли А. Лукашенко в его урегулировании практически не менялось. Большинство опрошенных выразило поддержку своему президенту. На основе полученных результатов социологи пришли к следующему выводу: сейчас, как никогда, А. Лукашенко выступает в глазах белорусов защитником их интересов. Видя те страшные последствия, к которым привела война на Украине, белорусы все больше надежд возлагают на то, что их президент сможет удержать существующий статус-кво, как в сфере безопасности, так и в экономике.

Есть еще один фактор, который в данном контексте непосредственно влияет на настроения белорусов. Он связан с присутствием большого числа украинских беженцев на территории белорусского государства. Об этом неоднократно говорил в сво-

их выступлениях и А. Лукашенко, разделяя отношение к приезжающим украинцам в зависимости от целей их пребывания и поведения. К весне 2015 г. беженцы с Донбасса стали серьезной головной болью для Беларуси. В начале вооруженного конфликта на Украине их принимали более чем радушно, несколько позже официальные лица стали открыто говорить о слишком большой разнице в поведении славянских братьев, возросшей преступности среди украинских мигрантов и заметно усилившейся конкуренции на рынке труда.

Проблема беженцев – лишь одно из проявлений негативного влияния украинского кризиса на белорусское общество. Белорусские политологи выражают серьезную обеспокоенность конфликтом на востоке Украины, последствия которого представляют угрозу для национальной безопасности Беларуси. Во-первых, это возможное разрастание кризиса до уровня полномасштабного военного противостояния России и ее союзников с государствами – членами НАТО. В случае такого развития событий произойдет неизбежное втягивание белорусских Вооруженных сил в конфликт на стороне РФ. При этом нельзя забывать, что российские военные объекты будут находиться на территории РБ до 2020 г., поскольку по условиям двустороннего соглашения от 06.01.1995 г. инфраструктура вместе с земельными участками были переданы России в безвозмездное пользование на 25 лет.

Во-вторых, Украина представляет опасность как источник дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в Беларуси. Территория Украины традиционно использовалась различными радикальными политическими силами Беларуси в качестве своеобразной базы для подготовки активистов с целью организации силового сопровождения акций протеста. Подобная деятельность находит поддержку украинских националистических и откровенно экстремистских организаций. Они не только содействуют обучению активистов навыкам силового противостояния, но и приезжают периодически в Беларусь для участия в митингах и демонстрациях. Иначе говоря, это соседнее с Украиной государство становится прифронтовой территорией со всеми вытекающими отсюда последствиями. Обстановка осложняется недостатками охраны белорусско-украинской границы, протяженность которой – 1084,2 км. Это обуславливает потенциальную возможность для проникновения грузов с наркотиками, оружием и боеприпасами с территории Украины в Беларусь.

В-третьих, возросла угроза экологической катастрофы. В непосредственной близости от белорусской территории расположены три объекта украинской атомной энергетики: Чернобыльская АЭС, Хмельницкая и Ровенская атомные станции. В условиях вооруженных конфликтов в Украине участились анонимные угрозы подрыва электростанций и атомных станций. Последствия могут быть самыми катастрофичными.

Наконец, речь идет о вызовах социально-экономического характера. В случае эскалации конфликта и ухудшения гуманитарной ситуации на Украине может значительно возрасти неконтролируемый поток украинских беженцев, а также лиц, ищущих работу на территории РБ. Таким образом, Беларусь все больше становится объектом возросших угроз.

Белорусские официальные лица постоянно говорят о вкладе своей страны в дело стабильности и безопасности на европейском континенте. Нельзя не согласиться с тем, что авторитет официального Минска на фоне гражданской войны на Украине действительно вырос. Вполне очевидно, что вся Европа желает того, чтобы минские договоренности по урегулированию конфликта на востоке Украины были реализованы. Хотя понятно и другое – добиться их реализации будет чрезвычайно трудно.

Подводя итог, можно отметить, что кризис 2013–2015 гг. в Украине имел для соседней Республики Беларусь серьезные последствия, но не только негативного характера. Вследствие украинских событий для Белоруссии открылось «окно возможностей» – заявить о себе как самостоятельном акторе европейской политики, к голосу которого прислушиваются и в России, и на Западе.

Определенные успехи были достигнуты и во внутривнутриполитической жизни. Победа А. Лукашенко на президентских выборах стала в значительной степени следствием консолидации белорусского общества, опасавшегося роста радикальных настроений, способных привести к «белорусскому майдану». К тому же приостановка санкций со стороны Евросоюза создала, хотя бы на короткий период, благоприятные условия для расширения экономических и культурных связей Беларуси с европейскими странами, для решения общих задач по стабилизации обстановки в регионе. Но успокаиваться официальному Минску рано, в ближайшее время правительству и президенту придется решать сложные вопросы экономических преобразований, с которыми связаны надежды белорусского общества.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕВЕРОАТЛАНТИЧЕСКОГО СОЮЗА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

*Дарья Миронова,
аспирантка ИНИОН РАН*

Реформа Североатлантического союза ведется по различным направлениям уже более 25 лет. Каждый этап трансформации напрямую связан с теми или иными изменениями, происходящими на международной арене и влияющими на устой-

чивость системы безопасности в Евро-Атлантике и мире в целом. Исторически процесс трансформации имел следующие вехи развития: распад СССР, теракты 11 сентября 2001 г. в США, начало операции в Афганистане, начало войны в

Ираке, глобальный финансово-экономический кризис, Уэльский саммит НАТО 2014 г.

Глобальный финансово-экономический кризис стал серьезным вызовом для государств всего мира. Распространившись на глобальную финансовую систему, он вызвал затяжную экономическую рецессию, окончательный выход из которой все еще не произошел. Одним из главных эффектов кризиса стало переосмысление экономической политики, принятой правительствами большинства государств. Финансовая поддержка, которую они оказывали государственным банкам в первые месяцы кризиса, а также экономический спад 2009–2010 гг. вызвали бюджетные дефициты, которые с трудом могли быть покрыты выпуском государственных ценных бумаг.

В связи с этим тяжелым испытанием не только для стран Евро-Атлантики, но и для большинства государств мира стало сокращение ВВП и, как результат, сокращение государственных расходов, в особенности на оборону. Стоит отметить, что мировые расходы на оборону впервые с 1998 г. прекратили свой рост в 2011 г.¹ Для НАТО значительное уменьшение ассигнований на оборону государств-членов в первую очередь означает опасность снижения боеспособности ВС союзников, необходимость отказа от существующих или предполагаемых проектов и реформирование Альянса по целому ряду направлений. Таким образом, финансово-экономический кризис стал важной вехой в развитии и трансформации Североатлантического союза, объединяющего страны Европы и Северной Америки, наиболее пострадавшие от его последствий.

Сокращение оборонных бюджетов

Глобальный финансово-экономический кризис продемонстрировал нежелание европейских союзников платить за безопасность. В целях бюджетной экономии страны стали последовательно сокращать расходы на оборону (примерно на 2,5% начиная с 2008 г.), в то время как США продолжили нести ношу трансатлантической ответственности, составляющую сегодня 73% бюджета НАТО (для сравнения в 2000 г. данный показатель составлял 64%)².

¹SIPRI Military Expenditure Database. Available at: http://www.sipri.org/research/armaments/milex/milex_database/milex_database (accessed 7 September 2015).

²Defence expenditures of NATO countries (1995–2015) (Financial and Economic Data Relating to NATO Defence (2015). Available at: http://www.nato.int/cps/en/natohq/news_

По сути, кризис обострил уже существовавшие проблемы, касающиеся оборонных бюджетов государств – членов НАТО:

– устойчивую тенденцию сокращения оборонных расходов в Европе;

– неравномерность распределения финансового бремени между США и их европейскими союзниками.

Стоит отметить, что в соответствии с существующим руководящим указанием НАТО, согласованным союзниками в 2006 г. с целью выполнения приоритетных задач по силам и средствам, рекомендуется тратить на оборону не менее 2% ВВП, 20% из которых должны быть ассигнованы на исследования и разработки, а также на закупку вооружения, военной и специальной техники. На саммите НАТО в Уэльсе в 2014 г. было решено, что те государства-члены, которые выполняют 2%- и 20%-ые цели, будут поддерживать свои ассигнования на обозначенном уровне, те же, чьи расходы ниже указанных, будут стремиться к показателям и достигнут их в течение десяти лет³.

Однако несмотря на сделанные в Уэльсе заявления, в 2014 г. требование военных расходов, равных 2% ВВП, выполнили только США и три европейских члена НАТО: Эстония, Греция и Великобритания. Как ожидается, в нынешнем году их число достигнет пяти (включая Польшу). Одновременно же указанные 2%- и 20%-ые цели выполняются только несколькими государствами, количество которых снижается. Если в 2007 г. оба условия договоренностей 2006 г. выполняли Болгария, Франция, Великобритания и США, то в 2014 г. уже только США и Великобритания⁴.

Наибольшие сокращения оборонных расходов во время кризиса продемонстрировали страны Центральной и Восточной Европы, в частности Чехия и Румыния, а также Словакия, Словения и Болгария. Традиционно высокий уровень оборонных бюджетов сохранился в кризисные годы в США, Великобритании и Греции.

120866.htm (accessed 5 September 2015); Funding NATO (Last update: 03 June 2015). Available at: http://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_67655.htm (accessed 16 August 2015).

³Wales Summit declaration (2014). Available at: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_112964.htm (accessed 7 September 2014).

⁴The Secretary General's Annual Report 2014. Available at: http://www.nato.int/cps/po/natohq/opinions_116854.htm (accessed 20 June 2015).

И только двум государствам за время кризиса удалось не просто сохранить уровень оборонных расходов, но и увеличить его – это Польша и Эстония.

К этому стоит добавить, что большинство стран НАТО тратит больше половины своего оборонного бюджета на личный состав (в среднем около 50–60% оборонного бюджета) в ущерб модернизации техники, на которую ассигнуется от 1% до 19% военного бюджета. В лидерах (более 21%) США, Турция, Франция, Люксембург, Эстония и Норвегия¹.

Ожидается, что сокращение расходов на оборону продолжится в течение следующего десятилетия. Данное обстоятельство будет являться важным аспектом, оказывающим значительное влияние на эффективность НАТО в военной сфере. Кроме того, существует еще одна достаточно важная проблема – отсутствие обмена информацией и координации решений по оборонным бюджетам среди европейских членов НАТО.

Сокращение и отказ от ряда программ

Глобальный финансово-экономический кризис стал не просто новым вызовом для НАТО, он обозначил собой изменения во всех сферах деятельности Альянса – от политической и военной до технической.

Сокращение оборонных расходов стало причиной сокращения финансирования ряда программ, их переноса или аннулирования. Пострадала область разработки новых перспективных образцов вооружения, сократилась их закупка оборонными ведомствами стран – участниц Альянса. Например, в Великобритании на стадии строительства были утилизированы перспективные разведывательные самолеты «Nimrod MRA4», списаны устаревшие «Nimrod R1», выведены из войскового состава почти 3 тыс. бронемашин, сняты с вооружения авианосцы «Illustries» и «Arg Royal», списаны истребители BAe «Harrier» и часть «Panavia Tornado»².

¹ Defence expenditures of NATO countries (1995–2015) (Financial and Economic Data Relating to NATO Defence (2015). Available at: http://www.nato.int/cps/en/natohq/news_120866.htm (accessed 5 September 2015).

² Старчак М.В. Бюджетирование оборонных расходов в европейских странах НАТО. Право и безопасность, 2014, № 2 (47), с. 20.

Как и в Великобритании, в Германии Министерством обороны было принято решение о сокращении объемов закупки некоторых видов вооружений. В частности, было объявлено о сокращении объема заказа на перспективные военно-транспортные самолеты A400 M на семь единиц (в Великобритании – на три единицы). Сокращению также подверглись планы закупки многоцелевых вертолетов NH1 NH90 и ударных EC665 «Tiger» УНТ³.

Даже в США, которые одни из немногих в НАТО не только не сократили расходы на оборону вплоть до 2013 г., но и продолжили увеличивать свою долю расходов в военном бюджете Альянса, ряд проектов был отложен на определенный срок или аннулирован. Закрытию подлежали, к примеру, такие проекты, как проект по закупке стратегического военно-транспортного самолета 17 Globemaster III, программа БМП экспедиционных сил морской пехоты EFV, а также мобильного ЗПК «SL-AMRAAM» и др. Был отложен проект по широкомасштабному производству унифицированных ударных истребителей F-35. До настоящего момента серийное производство все еще не запущено⁴.

В целом, глобальный финансово-экономический кризис вызвал различную реакцию. Лидирующие европейские страны, в отличие от общемировой тенденции, прибегли к значительным сокращениям оборонных расходов путем сокращения количества гражданских и военных служащих, а также отказа от ряда программ по разработке и / или закупке вооружений. Исключением в данном случае служит только Франция, где, несмотря на сокращение бюджета, планы по закупкам военной техники и вооружений не были изменены благодаря ожидаемому росту доходов в 2013 г. от продажи собственности и

³ The Global Financial Crisis and International Security: Impact on Defence Budgets of Major Countries. East Asian Strategic Review 2011. Tokyo, National Institute for Defence Studies, 2011. p. 10–55.

⁴ Boeing Fulfills US Air Force C-17 Production Contract with 223rd Delivery (2013). Available at: <http://boeing.mediaroom.com/Boeing-Fulfills-US-Air-Force-C-17-Production-Contract-with-223rd-Delivery> (accessed 17 April 2015); The F-35 Lightning II Program. Available at: <http://www.jsf.mil/index.htm> (accessed 01 September 2015); Boom K.E., Huq A., Lovelace D. C. (Jr.). Terrorism: commentary on security documents. Vol. 112, Part 2. Discerning President Obama's national defence strategy. Oxford University Press, 2010. p. 154–155.

неиспользуемых диапазонов частот оборонных телекоммуникационных сетей¹.

Одним из важнейших последствий подобных решений, принятых в большинстве европейских членов НАТО, стало возможное снижение их операционной готовности. В связи с чем в рамках Альянса была разработана концепция, направленная на повышение боевой эффективности государств – членов Союза в условиях сокращения оборонных бюджетов.

Трансформация НАТО как ответ на вызовы экономического кризиса

Для преодоления сложившейся ситуации и поддержания существующих инструментов обеспечения безопасности в Евро-Атлантике Генеральным секретарем НАТО была предложена инициатива «Умная оборона».

Опасения также вызывало то, что, несмотря на уже существующие снижения оборонных бюджетов, после завершения миссии в Афганистане в 2014 г. союзники прибегнут к еще более значительным сокращениям инвестиций в оборонный потенциал. В этой связи необходимой задачей стало предотвращение указанных сокращений и сосредоточение усилий союзников в направлении поиска ответов на новые вызовы безопасности, в частности кибернетические угрозы.

Следует подчеркнуть, что «Умная оборона» является лишь одним из шагов на пути к широкой реформе НАТО. Современная трансформация Альянса связана с реформами как политической, так и военной составляющей по трем направлениям: реформа архитектуры организации (командной структуры и агентств), реформа штабов и реформа управления ресурсами НАТО.

Концептуальные основы современной трансформации Альянса представляют собой целый ряд документов, разработанных с целью определения приоритетных задач и направлений развития потенциала организации. К ним, в частности, можно отнести так называемый Чикагский «оборонный пакет», содержащий в себе ряд как новых, так и ранее утвержденных инициатив. Последние включают в себя «Лиссабонский пакет первоочередных потребностей Альянса в силах и средств-

вах». В состав новых инициатив «Чикагского пакета» вошли «Умная оборона» и «Сопряженность сил», предполагающая наращивание возможностей воинских формирований стран – участниц Альянса и государств-партнеров².

Важно то, что все указанные реформы и проекты предполагают существенное сокращение расходов и высвобождение дополнительных средств, которые могут быть направлены на финансирование ключевых направлений деятельности Альянса.

Планирование в условиях дефицита бюджетов стало одной из главных тем и на саммите НАТО в Уэльсе 4–5 сентября 2014 г. В целом, стоит отметить, что Уэльский саммит, проходивший под знаком «украинского кризиса», стал новой вехой в развитии Альянса. Он обозначил собой сдвиг концепции коллективной безопасности в сторону коллективной обороны. События, имевшие место на восточных границах европейских государств – членов НАТО, стали свидетельством возросшей вероятности конвенциональной войны в Европе, что не могло не сказаться на приоритетах развития Альянса на кратко- и среднесрочную перспективу.

Уэльский саммит стал новой отправной точкой для меняющейся НАТО. По сути, он ознаменовал собой переход от коллективной безопасности к «новой старой» коллективной обороне. В связи с этим представляется, что нынешний период можно рассматривать в качестве начала шестого этапа трансформации Альянса, который, с одной стороны, имеет в своей основе черты «старой НАТО». В то же время, наряду с обострением традиционных вызовов отмечается появление новых – «гибридных» и кибернетических угроз высокой интенсивности, – в связи с чем, данный этап не может в полной мере считаться возвратом Альянса к коллективной обороне в чистом виде.

Подводя итоги, можно отметить следующее. Глобальный финансово-экономический кризис стал важнейшим событием, обозначившим современное развитие Североатлантического союза. Очевидно, что последствия кризиса, из которого до сих пор не вышли страны Европы, будут еще долго обуславливать принимаемые Альянсом решения. В частности, сокращение оборон-

¹Cervera R.C. Impact of the economic crisis on defence policies: a comparative study. Journal of the Higher School of National Defence Studies, 2012, no. 0, p. 31–44.

²Connected Forces Initiative (Last update: 31 August 2015). Available at: http://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_98527.htm?selectedLocale=en# (accessed 16 September 2015).

ных бюджетов в государствах – членах Альянса, реформирование ВС, сокращение финансирования, а также отказ от ряда программ и проектов привели к необходимости принятия таких инициатив, как «Умная оборона» и «Сопряженность сил», и, как следствие, к широкой реформе НАТО, которая ведется по целому ряду направлений.

Очевидно, что окончательный выход из экономического кризиса государств – членов Альянса вместе с масштабной реформой организации повысят эффективность деятельности и боеготовность НАТО, а также позволят увеличить финансирование проектов по модернизации вооружения и техники и проектов, связанных с поиском ответов на новые вызовы.

Бюллетень публикуется ИНИОН РАН, Отделом по изучению проблем европейской безопасности с целью способствовать развитию конструктивного диалога по проблемам безопасности в Евро-Атлантическом регионе. Мнения авторов, высказанные на страницах бюллетеня, отражают их личную точку зрения и необязательно совпадают с позицией ИНИОН РАН.

Редакционный совет:

Академик Ю.С. Пивоваров

Академик В.Г. Барановский

Генерал-майор в отставке В.З. Дворкин

Д.п.н. А.И. Никитин

К.и.н. А.В. Загорский

Главный редактор – к.и.н. Т.Г. Пархалина

Ответственный секретарь – Т.В. Арзаманова